

кость изложенія нисколько не мѣшаетъ полнотѣ и точности содержанія.

Только общая теоретическая часть курса страдает нѣкоторою неопредѣленностью. Авторъ говоритъ объ экономической наукѣ, какъ о чемъ-то установившемся и цѣльномъ, и не даетъ читателю никакого понятія объ ея дѣйствительномъ современномъ состояніи; а между тѣмъ съ первыхъ-же страницъ ему приходится дѣлать выборъ между различными теоріями и высказывать истины весьма спорныя. Едва-ли удобно въ популярномъ курсѣ рѣшать основные вопросы въ ту или другую сторону, въ нѣсколькихъ словахъ, независимо отъ господствующихъ въ наукѣ мнѣній,—какъ это дѣлаетъ авторъ, напр., относительно вопроса о цѣнности. „Въ экономической литературѣ,—замѣчаетъ онъ,—существуетъ теорія, по которой единственнымъ источникомъ цѣнности признается трудъ, овеществленный въ данной полезности. Эта теорія, отчасти благодаря внѣшней стройности и талантливости ея (?), отчасти по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, имѣетъ довольно много приверженцевъ, въ особенности среди не-спеціалистовъ (?). Другими словами, большинство теоретиковъ классической англійской школы, послѣдователей Рикардо, Тюнена, Родбертуса и Маркса, отнесено къ числу „не-спеціалистовъ“,—пріемъ слишкомъ рискованный со стороны начинающаго русскаго ученаго. Возраженія, приводимыя г. Ходскимъ противъ преобладающей понинѣй теоріи, чрезвычайно слабы, и притомъ взамѣнъ ея не предлагается ничего другого. Въ сущности авторъ не идетъ далѣе общихъ мѣстъ въ родѣ того, что „полезности представляютъ въ глазахъ человѣка неодинаковую цѣнность смотря по тому, болѣе или менѣе трудъ употребленъ на приобрѣтеніе полезностей, насколько годны онѣ для удовлетворенія потребностей, какъ трудно достать ихъ“ и т. п. Ради чего-же нужно было опровергать „существующую теорію“, съ напраснымъ указаніемъ на какихъ-то не-спеціалистовъ? Лучше было совсѣмъ не трогать сомнительныхъ пунктовъ, если ужъ нельзя было войти въ подробности и объяснить настоящее положеніе вопроса въ наукѣ.

Взгляды автора на науку кажутся намъ нѣсколько сбивчивыми: онъ не отличаетъ экономической науки отъ экономической политики, что приводитъ его къ невѣрнымъ опредѣленіямъ и къ замѣтному смѣшенію понятій. „Экономическая наука,—говоритъ онъ,—опирается на нравственность и не должна расходиться съ требованіями этой послѣдней“; очевидно, вмѣсто слова „наука“, надо поставить здѣсь „политику“. Изучая экономическія явленія, изслѣдователь долженъ руководствоваться единственно лишь началами правильнаго научнаго метода; его дѣло—анализировать факты, обобщать ихъ и выводить извѣстныя положенія. Требованія общественной морали обязательны не